

#HK#广州#PARIS#DAKAR#서울#臺北#L.A.

7 ГОРОДОВ
13 ДНЕЙ
1 ПРОКЛЯТЬЕ
2 БРАТА
МИЛЛИАРДЫ СУДЕБ

РЫБЫ

Рикки Рен

16+

Рикки Рен

Рыбы

«Автор»

2020

Рикки Рен

Рыбы / Рикки Рен — «Автор», 2020

«Верите ли вы в судьбу и возможность её изменить? А если да, то насколько крепка ваша вера? У Анри Леро есть только 13 дней, чтобы спасти брата и поверить настолько, чтоб навсегда изменить этот мир. Избавьтесь от всего лишнего, вдохните поглубже и возьмите меня за руку. Мы отправляемся на глубину». Рикки Рен

© Рикки Рен, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Факел	5
Глава 2. Медуза	19
Глава 3. Спрут	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рикки Рен Рыбы

Глава 1. Факел

Без восьми минут полночь по парижскому времени... Анри практически в темноте застывает выполненными на заказ платиновые запонки, исподлобья поглядывая на грозные керамические часы в виде огромного спрута, наблюдающие за ним с противоположной стены. Аккуратно поправляя покрытый тонким слоем 24-каратного золота галстук, он заворожённо следит за перемещением секундной стрелки. Еще шесть минут...

Опустив взгляд на открытую бутылку коллекционного коньяка семейного резерва Леро, он тут же вспомнил о полупустом стакане ямайского кофе, небрежно оставленном им где-то на письменном столе в противоположном конце комнаты. Вкупе с пятью выкуренными им за эту долгую ночь сигарами он практически выполнил любимый дегустационный ритуал своего покойного деда. Кофе, коньяк, сигара – всё как их учил старый Жан.

Без пяти минут полночь... Нажимая на кнопку автоматического открытия жалюзи, Анри с усилием встаёт на ноги, неторопливо закуривает и продвигается навстречу огромному панорамному окну, открывающему взору лучшие виды утреннего Гонконга... Он отходит к центру комнаты, все так же не сводя взгляд с техногенной панорамы, и вновь устало опускается в удобное кожаное кресло.

Ещё три с половиной минуты, но тишину разрывает телефонный звонок.

– Месье Леро, вас беспокоят из... – обратился к нему низкий женский голос.

– Не сейчас! – резко выпалил он. – Я жду очень важный звонок.

Две с половиной минуты до полуночи... Сердце месье Леро, казалось, бьется в такт с настенным керамическим спрутом. Две минуты до полуночи... Звонок.

– Уже... – тихо произнес молодой мужчина на противоположном конце линии.

– Уже?! Жюль, но сейчас только 11:58 по Парижу... – немного растерялся Анри, поглядывая на часы. – Как? – впиваясь ногтями в подлокотник кресла, добавил он.

– Так же, как и дед... И дядя Жак... – дрожащим голосом ответил Жюль. – Ты приедешь?

– Разумеется. Не каждую же ночь умирают мои младшие братья, – озадаченно поглядывая на висящие керамические часы, ответил Анри, повесив трубку. До полуночи оставалась еще ровно одна минута.

Дорога в международный аэропорт Байюнь, названный так в честь главной достопримечательности южнокитайского Гуанчжоу – горы Байюнь, или дословно «горы Белых облаков», обычно не занимает более часа, если выдвигаться из делового центра города. Анри любил дорогу в сторону этой горы. Гора вообще была одним из его самых любимых мест в городе.

Взяв с собой всё самое необходимое из своей небольшой съемной квартирки по Третьей Пешеходной улице, он неторопливо спустился вниз по главному лифту, намереваясь сначала чуток прогуляться по Пекинской улочке, а затем, дойдя до оптового центра картин и принадлежностей для художников, захватить с собой парочку заказов домой для Жюля. Домой... Медленно произнеся это слово, Анри поморщился. Слишком давно он не возвращался в Коньяк или даже Париж, слишком давно не называл тот дом своим.

Прошоркав в довольно тесных ботинках до главного перекрёстка, он вновь обругал себя за то, что в очередной раз забыл взять зонтик, который был бы как нельзя кстати в такой солнцепёк, особенно для такой Белоснежки, как он. Пройдя еще триста метров до художественного центра, он осознал, что вполне готов сменить тесные ботинки на сланцы, несмотря на круше-

ние идеального образа, тщательно выверенного им с утра. Лняные костюмы часто спасали Анри, когда выбор стоял между вариантом одеться легко или как ему нравится.

Элегантные костюмы-тройки уже давно стали одной из основных статей его расходов, не считая разве что коллекционных фигурок из любимых произведений японской анимации нашего тридцатитрёхлетнего друга. Тех, что старший из его младших братьев Томас когда-то грубо называл куклами.

Томас... Еще одна капелька пота пробежала по спине Анри. Анри ии его зазнобило.

Небрежно взглянув на часы, по привычке надетые на левую, с юности иногда чуть подрагивающую руку, он отметил, что минутная стрелка уже подбегала к десяти минутам третьего. В очередной раз мысленно поругав себя за нерасторопность, он резво двинулся к главному входу оптового художественного центра.

Закончив с картинами, благополучно добравшись до аэропорта и на удивление без проблем сдав багаж, Анри занял своё место на борту и вот уже пятнадцать минут отпивал из пластикового стаканчика столовое красное вино неизвестного сорта, года и производителя. По крайней мере неизвестное для него и бортпроводницы. Учитывая огромное количество пассажиров, летящих данным чартерным рейсом, быть дотошно-вредным ему сейчас не особо хотелось, но любопытство то и дело подмывало его убедиться в правильности определения года урожая.

Случайно получив в лоб ручной кладью от неизвестной ему дамы преклонных лет, Анри с усмешкой отметил, что такая картина весьма позабавила бы его покойного отца. Бывший наследник коньячной империи Леро напивается не пойми чем в переполненном салоне экономкласса. «Красота», – подумал Анри и попросил повторить.

После пяти часов пути главным бонусом в этом полете оставалось сносное место около окна и всё ещё наполовину заряженная электронная книга со скачанным сборником лучших романов Жюль Верна. Взглянув на часы, Анри слегка задержал взгляд на секундной стрелке, медленно подходящей к полуночи.

– Тик... Тик... Тик... – волнующе повторяли они. – Тик... Тик... Тик... – три удара сердца на каждый стук. – Тик... Тик... – два удара. – Ти-ик... – сердце словно останавливается. Левый глаз Анри начинает нервно дёргаться, но он не сводит взгляд со стрелок часов, медленно покрывающихся резными линиями, причудливо увеличивающихся в размерах и огибаемых щупальцами небольшого бурого осьминога. Анри невольно перевел взгляд с часов на собственные руки, которые в эту минуту стремительно уменьшались в размерах и теряли столь привычный густой волосяной покров. – Тик... Тик... – часы внезапно останавливаются, и Анри наблюдает, как они медленно переползают с его кисти на стену, пока детский голос справа от него не прерывает это поистине жуткое зрелище.

– Нового сомика привезли, – восторженно прокричал рыжий мальчуган с небесно-голубыми глазами и капелькой пота над верхней губой.

Мальчик прерывисто дёргал Анри за рукав красно-черного полосатого джемпера крупной вязки.

– Томас... – изумленный Анри накрывает своей ладонью руку своего десятилетнего младшего брата, не в силах сдержать слезы. – Живой...

– Анри, Факел, вы чего там копаетесь? – проворчал пулей влетевший в комнату пухлый белокурый малыш, призывно перекладывая небольшой аквариумный сачок из одной руки в другую.

– Жюль, ну вот какого якоря ты опять зовешь меня Факел? Если тебе так нравится называться Гуппи, то будь любезен и старшему кличку подбери, а то только он один у нас просто Анри, – сурово нахмурив брови, начал рыжий.

– Так он не может видеть свою рыбью сущность со стороны, глупенький. Как же он нам скажет, какая он рыба? – высоко подняв бровки, с удивлением выдал кудрявый малыш, довольно прокручивая на пальце маленький крендель, вытащенный им из кармана штанишек.

– Тогда с каких радостей я Факел? Где ты слышал о такой рыбе, Анри? – недоумевал Томас, капризно закатывая глаза.

– Ты не похож на рыбу, Томас, – не отрывая взгляда от брата, отвечал он. – И никогда не был... Единственный, кто не был похож... Не место тебе под водой... – закончил Анри, вытирая рукавом слёзы.

– Он чего ревёт? – непонимающе уставился на него самый младший. – Опять перечитывал «Таинственный остров» или снова стихи свои кому-то декорировал? – не унимался он, побивая Томаса по ноге.

– Жюль, правильно говорить «декламировать» стихи, а не декорировать. Ой, да Анри, можешь не писать – не пиши, – согласился с младшим средний из сыновей семьи Леро, добавив: – Про живопись тоже лучше забудь, а то выходит очень специфично.

– Да, хуже, чем у меня. Вот смотри, – пухлой ладошкой четырехлетний малыш достаёт из левого кармашка свернутый тетрадный листок, на котором в центре с любовью нарисован сам Жюль, справа от него, судя по росту и осанке, за руку его держит глава семейства Альберт Леро, рядом с которым малыш поместил их дядю Жака. Слева от себя автор изобразил положившего ему ладонь на плечо Анри, которого за плечи обнимал Томас. В правом верхнем углу рисунка вниз печально глядел красивый белый ангел.

– Это мама, – показав пальчиком на ангела, с грустью подтвердил малыш. – А вот стайки твоих девчонок, – злобно хихикал он, указывая на большое количество чёрных точек рядом с лицом нарисованного Анри.

Томас держался за бока, еле удерживаясь на ногах от смеха. Маленький Жюль довольно похохатывал, приземлившись на краю полосатого ковра в центре большого зала, а Анри, поправив горячо любимую четырнадцатилетним им и стайкой тех самых девчонок длинную косую черную чёлку, с интересом рассматривал рисунок в своих руках. Он вспомнил этот вечер. Это был их последний совместный вечер, когда никто не мог подозревать, что всего через двадцать восемь часов их жизнь бесповоротно изменится.

– Анри! – вдруг окрикнул его Томас. – Пристегнись!

Анри повернул голову в его сторону и уже намеревался что-то сказать, как почувствовал прикосновение чужой ладони на своём левом плече.

– Сэр, пристегните, пожалуйста, ремень безопасности. Наш самолёт начинает снижение, – обворожительно улыбаясь, обратилась к нему бортпроводница.

Не до конца отойдя от столь реалистичного сна, Анри молча кивнул, последовал указаниям девушки.

Оставшаяся часть пути прошла довольно спокойно. Успешно пройдя досмотр после посадки, он, предвосхищая предстоящие часы дороги из Парижа в родной Коньяк, решить предварительно перехватить пару кусочков любимого киш-лорена с лососем в кафе на первом этаже аэропорта. Довольно быстро расправившись с завтраком, Анри, неторопливо попивая латте, отправился на оговорённое место встречи с водителем. Заказанный автомобиль не заставил себя долго ждать, и уже через четыре часа пути они наконец-то подъезжали к месту назначения.

Тёплые вечера здесь в это время года можно считать закономерностью, которая за долгие годы его отсутствия, к счастью, так и не покинула этот райский уголок. Маленькие полуразваленные домики, где-то шикарные, но определённо выдавшие лучшее время большие поместья и, разумеется, гектары белого винограда.

– Давно не виделись, месье Уньиблан, – жадно вдыхая сквозь открытое окно аромат одного из основных виноградов для производства коньяка, прошептал он, коварно улыбаясь.

В памяти всплывали уроки старого Жана о секретах настоящего мастера погреба. Тут важен своевременный сбор урожая, правильный отжим, отвечающая всем требованиям ферментация, ювелирной работы двойная дистилляция и, разумеется, образцовая выдержка в особых бочках из Тронсёйского дуба.

– Гр-рх-хр, – прервала поток мыслей Анри очередная крутая кочка.

– Вы уж извините, – улыбаясь, поспешил вставить своё слово розовощёкий водитель. – Дороги здесь не из лучших.

– Да, – с горечью согласился Анри. – Куда же уходят наши налоги? – добавил он, вскинув брови.

– Во-о-от! Из года в год столько жалоб, столько шума, а ничего не меняется – ни дороги, ни условия работы, – возмущенно вторил ему водитель, подкручивая свой ус.

– Удивительно, что всё это происходит уже после высадки на Луну, – недоумевал Анри, вскинув руки.

– Мы совсем как камни на этой дороге, – задумчиво протянул водитель, сворачивая с основного шоссе. – Кинули в кучу, назвали Францией и забыли.

– Да, причем заметьте, камни земного происхождения. А были бы с Луны – так мигом бы обрели ценность. Лежали бы себе мирно в планетарии под стеклом, – задумчиво глядя в окно, подметил Анри.

– Благо хоть овраг огородили, – тревожно начал водитель. – Там дорога в дождь словно масло. Столько народу сгинуло, вот, например... – уже намеревался поведать он, но тут же был прерван поменявшимся в лице при упоминании оврага Анри.

– Здесь направо, – резко выпалил пассажир, нервно потирая ладони, – Остановите, пожалуйста, у поместья Леро.

– Как скажете, – непонимающе глядя на Анри через плечо, ответил водитель.

Анри плотно вжался в спинку кресла и закрыл глаза в попытке немного успокоиться. Восемь... Семь... Шесть... Пять... Четыре... Три... Два... Один... Выдох.

– Ну вот, мы на месте, – радостно объявил водитель, паркуясь напротив места назначения.

Ворота дома ничуть не изменились с тех самых пор, как Анри в последний раз покинул их за рулем отцовского Bugatti Royale.

– Красивый дом. Вы приехали на праздник? – помогая Анри вытащить из багажника картины, уточнил водитель.

– Да, на похороны, – ловя недоуменный взгляд собеседника, отвечал он. – В нашей семье их принято отмечать с размахом, так что это своего рода праздник. Не зайдёте на чай?

– Ох, – растеряно начал водитель, – спасибо, но мне ещё нужно заехать в пару мест, так что я поспешу. Хорошего вам дня!

– Спасибо, вам тоже. Был рад знакомству! – ответил Анри, пожимая его руку.

Развернувшись к дому, он взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что время уже подходило к двум. Учитывая все приготовления к похоронам, у него оставалось всего четыре часа, чтобы разобрать вещи и привести себя в порядок. Глубоко вдохнув, Анри схватил увесистый чемодан, внезапно почувствовав, что его левая рука становится чуть тяжелее, чем обычно.

– Ну, правильно, – подумал он, – чем ближе к Факелу, тем тяжелее.

Распахнувшиеся ворота тут же заполнили несколько неизвестных Анри мужчин, скорее всего, представлявших собой главу охраны, дворецкого и кого-то из коньячного дома.

– Добрый день, меесье Леро, – почтительно протянул седой мужчина, на вид около шестидесяти лет. – Разрешите представиться, меня зовут Франсуа де Галлон, я дворецкий этого дома в течение последних пятнадцати лет, а это Жан-Ив Парли – глава охраны, – Жан-Ив почтительно кивнул. – И наш добрый друг Жак Гийом – действующий мастер погреба Коньячного дома Леро.

– Рад знакомству с вами, джентльмены, – пожав собравшимся руки, Анри одарил собеседников лучшей из своих улыбок и даже прибавил к этому приблизительно три процента своего обаяния в знак особой признательности. В этой беседе с людьми, на плечах которых держался этот огромный дом все последние годы, он чувствовал себя блудным сыном.

– Большая честь наконец-то с вами познакомиться, месье Леро. Мы так много о вас слышали от вашего брата, – улыбаясь, добавил Жак.

– Просто Анри, – улыбнулся он в ответ и, извинившись за внезапность своего появления, медленно пошёл к дому, не желая отвлекать собравшихся от их дел.

Пройдя примерно сто метров через небольшую аллею, Анри наконец вплотную подошел к дому. Всё тот же белый кирпич, но козырёк крыши сейчас был старательно выкрашен в синий, скрывая любое упоминание о том, что исторически он имел ярко-красный оттенок. Старый металлический флюгер с петушком все так же украшал крышу, ничуть не изменившись с течением всех этих лет. В целом здание выглядело очень даже сносно, если бы не сильно поржавевший карниз, будоражащий в памяти то самое ощущение красноты, которое нельзя было вытравить из воспоминаний.

Распахнув главную дверь, Анри прошёл в просторную гостиную, залитую ярким обеденным светом. С портрета на противоположной стене на него смотрели улыбающиеся члены семьи Леро ещё в полном составе.

В центре картины возвышался величавый отец семейства в строгом тёмно-красном костюме-тройке, дополненном классической черной бабочкой. Он держал за плечи своих старших наследников: восьмилетнего Томаса, наряженного в тёмно-синий атласный костюм и элегантную чёрную рубашку со стального цвета галстуком, и двенадцатилетнего Анри с аккуратно уложенной, чуть длинноватой копной тёмных волос. На нем был тёмно-зелёный костюм-тройка в чёрную полоску, такая же чёрная рубашка, как и на Томасе, и витиеватый тёмно-зелёный галстук. Справа от отца стоял их дядя Жак в тёмно-вишнёвом костюме с жилетом. В центре картины сидела прекрасная белокурая мама мальчиков – мадам Мария Леро в небесно-голубом платье и бордовых туфлях-лодочках. На руках она бережно держала светловолосого малыша Жюля, одетого в тёмно-коричневый костюм и крепко сжимающего в руках фигурку шахматного слона.

– Тик... Тик... – Анри с грустью оторвал взгляд от картины и посмотрел на часы. Без пяти минут три. Он перевёл взгляд на лестницу, туда, где, по словам Жюля, его всё еще ждёт его детская комната.

С лёгкостью преодолев два этажа, Анри привычно поплёлся в конец коридора, как будто и не было этих девятнадцати лет.

Память тела – великая вещь. Анри часто сожалел, что данное явление не распространяется на прочие сферы. За долгие годы жизни у тёти Селены в Гонконге, а потом и после переезда несколько лет назад в Гуанчжоу он так и не смог выучить мандарин. Не то чтобы это было первое, что Анри не мог зачислить в число своих побед, но на должном уровне он говорил и на латыни, и немного понимал японский с корейским, но вот китайский... Анри поморщился. Обучение китайскому во многом напоминало ему прыжок веры: ты несколько лет усердно молишься, молишься и ждёшь чуда, которое, как говорили его друзья-переводчики, приходит не ко всем и только через два-три года обучения. То ли молился он плоховато, то ли веры в нем было недостаточно, то ли камнем преткновения стал основной корень зла – знание английского языка.

– Знание английского всегда развращает, когда можно обойтись английским, – отметил он, наконец-то дойдя до конца коридора и открыв дверь в свою комнату.

Запнувшись о порог, Анри втащил чемодан внутрь, с удивлением обнаружив, что привычный ему комод слева от входа был передвинут на правую сторону, ближе к окну. Свою застеклённую коллекцию фигурок из аниме он обнаружил на прежнем месте – вдоль левой

стены комнаты, но расставленной в совершенно ином порядке. Фигурки были отсортированы тематически и стояли ровно в ряд на идеально отмеренном друг от друга расстоянии – примерно два сантиметра от стены и полтора сантиметра между собой.

– Добрался, значит, до моих кукол, рыжий перфекционист, – с улыбкой отметил Анри, оставляя привезённые картины на полу у правой стены.

Неспешно подойдя поближе к стеллажу с коллекцией, он уселся на стул прямо напротив, окидывая восхищённым взглядом всё это строгое великолепие. Рассматривая фигурки, он представлял, как Томас, перебирая их одну за другой, мысленно ругает Анри за вечный хаос в жизни и в комнате, за апатию и нежелание брать на себя ответственность, за трусость и за то, что он чуть не утробил малыша Жюля...

Анри до боли сжал дрожащую левую руку, пытаясь унять стекающие по лицу слезы, пока не остановил свой взгляд на фигурке в доспехах, изображавшей персонажа Альфонса Элрика из аниме «Стальной алхимик», по какой-то причине покинувшего ряды тематически близких ему соседей по полке. Фигурка одиноко стояла на полу, ровно в двух сантиметрах от стеллажа. Наклонившись, взяв её в руки и грустно улыбнувшись, он убрал её подальше в правый карман своего пиджака.

Приняв душ и разобрав вещи, Анри отметив, что до начала похорон ещё около часа, и решил немного посидеть на балконе, где он частенько умудрялся курить втайне от родителей. Балкон удачно выходил прямо на виноградник, так что ни с центральных ворот, ни со стороны большинства соседей его невозможно было заметить. Удобно усевшись в старое ротанговое кресло, он неспешно сделал пару затяжек французских «Житан», бережно припрятанных им в небольшую брешь между седьмым и восьмым кирпичами третьего ряда по левую сторону от входа на балкон. Помнится, он когда-то сделал этот тайник вместе с одной особой из «стайки своих девочек».

– С кем же я их припрятал? – Анри на секунду задумался, смотря куда-то вдаль, и вдруг побледнел. – Мари-Жюли...

Сигарета тут же выпала из его руки, больно обжигая ногу и оставляя следы пепла на идеально белом халате. Перед Анри вдруг замелькали воспоминания... Её всегда отстранённый, будто кукольный взгляд серых глаз, живые каштановые кудри, смуглая кожа орехового оттенка и, конечно же, странное выражение грусти и скуки, никогда не покидающее лицо девушки. Анри обернулся, услышав позади себя шорох... Никого.

– Кажется, она о чём-то просила меня в нашу последнюю встречу... Кажется, это было в её комнате, – рассуждал Анри, нервно глядя за горизонт, где еле виднелась верхушка по-прежнему багрового козырька поместья семьи Лангле.

Анри отчаянно пытался вспомнить, о чём она просила его тогда, но как ни старался, так и не смог приблизиться к ответу. Он помнил лишь, как они курили, развалившись прямо на её кровати. Она что-то неспешно говорила сначала о жизни в целом, потом жаловалась на своего брата-близнеца Шарля и его постоянные стычки с их отцом. Шарль вообще был странным парнем, буквально помешанным на правильном порядке вещей. Порой Анри казалось, что все его действия сводятся к тому, чтобы отслеживать несовершенства вокруг себя. Интересно, что в списке этих несовершенств находился и сам Анри, так как, по мнению Шарля, «поганый эмо-бой» очень дурно влиял на его сестру.

– О, было бы забавно, застань он нас тогда курящими прямо в её комнате, – лукаво улыбаясь, размышлял он. – Хотя... Шарль, несмотря на свою субтильность, был все-таки старше, то ли на два, то ли на три года, отчего и был выше почти на две головы. Так что поймай он меня тогда, влетело бы не хило, – заключил Анри, задумавшись. – Мари-Жюли, кстати, тоже была высокой... Была...

Нить воспоминаний Анри прервалась резким хлопком прямо над левым ухом.

– Оставил тебя в доме одного всего на несколько часов, а ты уже насвинячил, – злобно хихикая, проворчал появившийся на балконе высокий светловолосый юноша, указывая на дымящийся окурок сигареты, случайно выпавшей из рук Анри.

– Дорогой мой Жюль, я тут, можно сказать, героически спасаю халат от увечий своей прекрасной ногой, а ты плетёшь грязные инсинуации в мой адрес, – невинным тоном заявил Анри, указывая на небольшой ожог от выроненной сигареты у него на левой лодыжке.

– Ты хотел сказать, волосатой ногой австралопитека? – не унимался младший, демонстративно задирая левую штанину своих брюк, открывая обзор на свою практически безволосую ногу, покрытую лишь лёгким белым пушком.

– Какие твои годы, вот доживёшь до моих лет, волосы и из ушей полезут... Сразу во все стороны, – чуть вскидывая брови, продолжал Анри, – прямо на всё лицо. Придётся брить их вот так, – красочно показывал он правой рукой, – от уха до уха по горизонтали, там до кадыка и потом к глазам второй раз, но уже по вертикали, – невозмутимо протянул он, с силой ущипнув младшего брата за бок.

– Так, всё, хватит, не обижай маленьких, – в попытке вывернуться от очередного щипка, смеясь, кричал Жюль.

– Во-первых, тебе уже двадцать три, а это средняя продолжительность жизни в древнем Египте. А во-вторых, маленький мой, ты уже вымахал до таких размеров, что выше меня на полторы головы, – продолжая яростные атаки, отвечал Анри.

– Так... Перерыв, – схватив старшего брата за плечи, начал Жюль, старательно подавляя очередной приступ хохота. – Нам пора спускаться на церемонию.

– Хорошо, я присоединюсь к вам через пять минут, – ответил Анри, кивая в сторону приготовленного им костюма, лежащего на постели.

Жюль молча кивнул и, похлопав брата по плечу, быстро удалился из комнаты.

Спустившись вниз, Анри обнаружил, что приёмный зал уже полон гостей, которые, по словам их дворецкого Франсуа, начали прибывать в поместье примерно с половины шестого. По давней традиции семьи гостей во время всех событий было принято встречать коктейлями с использованием молодого VS двухлетней выдержки от коньячного дома Леро и легкими закусками. Как правило, на всех мероприятиях дома бармен обязательно смешивал такие известные коньячные коктейли, как «Сайдкар» и «Французский связной», а также фирменные напитки Леро собственного рецепта, среди которых были «Империя Леро», смешанный в далеком 1945-м их предком и основателем коньячного дома Карлом-Луи Леро и горячо любимый братьями коктейль «Падение Сиона», по иронии являющийся творением главного виновника сегодняшнего вечера – ныне покойного Томаса Леро.

Другой доброй традицией семьи было то, что вне зависимости от характера мероприятия в доме принято было ставить предпочитаемую виновником вечера музыку, будь это свадьба, именины или поминки. В соответствии с этой традицией в доме играл легкий мелодичный джаз, отчего похоронное мероприятие больше походило на романтическое свидание.

– Ты и в этом был идеален, Факел, – тихо прошептал Анри, неспешно попивая «Падение Сиона» и выходя в центр зала сквозь шумную толпу гостей, чтобы рассмотреть мирно лежащего брата. – Идеальный вечер, как и идеальный ты. Ну разве что кроме запонок, запонки тебе подобрали ужасные.

– Как думаешь, у Факела бы всё равно всё получилось организовать в десять раз лучше, будь это мои или твои похороны? – отпив из своего бокала «Падения Сиона», начал только что отошедший от гостей Жюль. – Я в том плане, что будь это я, в доме бы трещало техно, а в твоём случае и того хуже – мы бы сделали трехчасовую аудиозапись из твоих унылых суицидальных стихотворений, а стены бы украсили твоей асимметричной мазнёй.

– Зря ты так про мазню. Я как раз привёз с собой парочку своих последних работ, так что тебя ждёт приятное удивление, брат. Я вырос как художник.

– Да ладно, – скептически подняв правую бровь, усмехнулся Жюль.

– Конечно, ты моих работ девятнадцать лет не видел, – деловито продолжил старший.

– Я приезжал к тебе каждый год последние восемь лет, но так и не смог найти ни одной правильной диагонали в твоём гнезде, – язвительно заметил Жюль, жадно допивая остатки коктейля. – Ну, чем будешь парировать?

– Одним словом, Жюль: техно! – с отвращением протянул Анри. – Семь лет в музыкальной школе... Какой позор!

– Ну так-то да, – виновато согласился Жюль.

Братья молча смотрели на открытый гроб погибшего брата, думая каждый о своем. Официанты зашли в зал с бокалами коньяка категории VSOP от Леро четырехлетней выдержки, что ознаменовало начало похоронной службы. Гости тут же начали усаживаться вдоль рядов, и Анри отметил, что в главном зале сейчас присутствует около пятидесяти человек. Немного оглядевшись, он решил сесть в конце комнаты, выбрав в качестве дислокации большое кожаное кресло прямо под картиной, изображавшей сцену, в которой трое роботов высаживаются из своего космического корабля на поверхность Юпитера.

Святой отец начал службу и попросил младшего из братьев сказать пару слов о погибшем.

– Томас любил говорить, что единственное, о чем он будет сожалеть, когда уйдет из этого мира, будут две вещи: первое – если в заключительной книге известной всем саги железный трон займет не Тирион Ланнистер, – гости дружно засмеялись, и, выждав небольшую паузу, он продолжил: – Если вы не в курсе, кто это, то просто покиньте этот зал, – собравшиеся вновь залились смехом, а пара близких друзей Томаса даже зааплодировали. – А второе – если его старший брат Анри не сможет прочесть одно из своих замечательных стихотворений на его похоронах. – Жюль с коварной улыбкой посмотрел на брата, сидящего на противоположном конце зала, все присутствующие тут же обернулись в его сторону.

– Вот же рыжий вредитель, – тихо прошептал Анри, улыбаясь. – Ты меня и с того света умудряешься доставать, Томас.

Анри вальяжно встал со своего кресла и неспешно зашагал в центр комнаты.

– Он просил передать тебе, что счет 1:0, – похлопав его по плечу, прошептал Жюль, оставив Анри одного стоять перед собравшимися гостями.

Анри чуть замаялся, старательно всматриваясь в пришедших гостей. Среди них были разные лица: бледные и смуглые, вытянутые и широкие, европейские, негроидные и даже парочка азиатских гостей, было много кареглазых и много голубоглазых, греческих и курносых носов, здесь сидели тонкогубые и пухлоротые гости, бородатые и веснушчатые. Их, пожалуй, ничего не могло связывать между собой на первый взгляд, но одно все же выдавало в них общую черту всех друзей Томаса – это яркая, ни с чем не сравнимая искренняя улыбка. Улыбка, которой всегда улыбался и сам Томас.

Анри перевёл взгляд с гостей на брата, умиротворённо лежавшего справа от него. Он впервые видел Томаса так близко за последние девятнадцать лет. Ярко-рыжие волосы всё так же искрились в мягком свете торшерных ламп. Идеально прямой нос продолжали прямые коричневатые брови, губы расслаблены, но даже сейчас есть ощущение, что они вот-вот расплывутся в довольной улыбке.

– У небесной кромки птицы щемятся,

Тучи раздирают как зерно.

У окна седая пряжа стелется,

Но горит в огне веретено.

Люди с миром все так же крутятся-вертятся,

А мне так часто и ясно снится давно,

Как море над нами наконец-то разверзнется,
И солнце в закате зайдёт за пустое дно.

Закончив свой стих, Анри осторожно осмотрел лица собравшихся гостей и заметил, что большинство из них выглядят слегка озадаченными.

– Всем желающим просьба оставить заявку на приобретение трехчасовой аудиоверсии данного шедевра, – улыбнувшись, сообщил он, вызывая приступ дружного смеха.

– Пора готовиться к моим похоронам, – уступая место в центре зала святому отцу, шепнул Анри коварно улыбающемуся Жюлю, который в этот момент только выключил диктофон.

Похоронная служба закончилась в районе половины восьмого, и большая часть гостей покинула дом около девяти вечера. Жюль и Анри еще около получаса провозились на кухне и в основном зале, помогая обслуживающему персоналу поскорее завершить основную уборку, чтобы как можно раньше приступить к неформальным поминкам круга Леро.

Поминки представляли собой семейный ритуал, начинавшийся в десять вечера и заканчивающийся к полуночи. В течение всей этой неформальной церемонии близкие должны были рассказывать друг другу разные истории о погибшем и говорить о вещах, которые они вместе хотели или могли бы воплотить. Традиционной частью поминок во время рассказов было распитие коньяка «Леро ХО» десятилетней выдержки, а в полночь, когда старший из семьи говорил последние слова, собравшиеся выпивали по бокалу «Леро Extra» двадцатилетней выдержки и навсегда прощались с умершим. Со стороны весь этот процесс очень напоминал длинную вечернюю дегустацию с элементами мрачной готики.

Анри развязал туго сидевший галстук и вызывающе посмотрел на те самые часы, обвитые бронзовым осьминогом, копию которых он поместил в своем гонконгском офисе. Убедившись, что стрелки часов показывали ровно десять, Анри не стал дожидаться особого приглашения и открыл закупоренную бутылочку «Леро ХО». Жюль в это время активно снимал ботинки, поудобнее усаживаясь в кресло у камина с мягким пуфиком для ног. Слегка растрепав свои два часа назад идеально уложенные льняные волосы, Жюль потянулся за бокалом, а Анри, присев рядом, первым вступил в разговор.

– Жюль... Так его звали, – таинственно глядя в огонь, прошептал Анри.

– Что, прости? – поперхнувшись и продолжая в смехе прикашливать, недоумевал младший.

– Нашу ящерицу. – с улыбкой пояснил Анри. – Когда Томасу исполнилось пять, отец с мамой и дядя взяли нас на первую настоящую рыбалку. Факел был так взволнован, что не мог уснуть две ночи перед предстоящей поездкой. – Анри чуть улыбнулся Жюлю, замечая его живой интерес к этой истории. – Мы тогда с ним очень хорошо подготовились, взяв с собой три книги по определению разных видов рыб, четыре сачка, три вида лески, два удилища, даже зачем-то потащили с собой рыбный корм из маминого аквариума и три литровых банки для пойманных рыб.

Анри немного отпил из бокала, отметив, что коньяк этого урожая был просто изумительно хорош.

– Дорога до реки заняла больше трех часов, и если учитывать отсутствие сна в предыдущие две ночи и слабый вестибулярный аппарат нашего средненького, то легко можно понять, что видок на свой день рожденья у него был, мягко говоря, не очень. Но невзирая ни на какие уговоры, наш упрямый герой, разумеется, не поддался общим пожеланиям и вместо того, чтобы мирно видеть сны в уютном салоне отцовского Bugatti, он стоически рыбачил на берегу в своих маленьких синих резиновых сапожках, – продолжал Анри, вызвав очередную улыбку Жюля. – Так вот, на второй час, когда он понял, что ловля рыбы у нас не клеится, унылый и очень сонный Томас решил, что нам просто-напросто пора раздобыть неподалеку парочку жирненьких дождевых червей, чтобы дело быстро пошло в гору.

Мы брели по каменному берегу уже около двадцати минут, когда решили выкопать ямку-ловушку для червяков, в которую положили банку с рыбьим кормом, на который, разумеется, мигом должны были сбежаться все черви в округе. Заложили ловушку и начали ждать. Ждали около получаса, пока оба не свалились в мертвый сон. Я отчетливо помню, что мне тогда снилась Анета, белокурая девочка с красивым каре, которая подарила мне пластилинового жука на последнем году детского сада. С женщинами у меня всегда ладилось. – весело протянул он, вдыхая неповторимые нотки кожаного портмоне и сандалового дерева из своего бокала. – Так вот, я смирно спал, видя в своем сне белокурого ангела с пластилиновым жуком, пока чей-то громкий плач не вытащил меня из царства Морфея.

Проснувшись, я увидел перед собой ревущего Томаса, яро потирающего глаза и крепко держащего в руках ту самую банку. «Анри, – обратился он ко мне. – Анри... Я даже не мог представить... Я был таким усталым, мне было так плохо, и я уже даже ничего не ждал, не надеялся даже на маленькую рыбёшку, даже на муху, а тут он», – малыш протянул мне ту самую банку, на дне которой лежала маленькая ящерица, мирно свернувшаяся калачиком. «Я... Я так счастлив, – улыбался сквозь слёзы Томас. – Он такой красивый, я назову его Жюль». Знаешь, я ведь никогда не видел его таким счастливым, – продолжал Анри.

– Жюль прожил у нас около года, пока в один день мы с Факелом не смогли найти его, он просто пропал. Томас не выходил из комнаты неделю, плохо ел и почти ни с кем не разговаривал. А вечером перед его шестым днем рождения мама собрала нас всех в гостиной и сказала, что у нас с Томасом совсем скоро будет младший братик, – Анри взглянул на ошарашенные глаза Жюля, отставляя бокал в сторону. – Томас тогда заплакал, подбежал к маме и, обняв её за большой живот, сказал, что тебя назовут Жюлем. Так мы тебя и называли, – закончив повествование, Анри осушил бокал и аккуратно убрал его на маленький мраморный столик у камина.

– Невероятно... – не моргая прошептал, Жюль, глядя куда-то в огонь, – В честь ящерицы...

– Жюль не был обычной ящерицей, – улыбнувшись уголком рта, сказал Анри. – Полагаю, что он бы гордился своим тёзкой, если бы встретил тебя таким. Как гордился Томас, всегда гордился, – Анри положил ему левую руку на плечо и легонько похлопал.

– Она еще чуть-чуть подрагивает, – заметил Жюль, не отрывая глаз от левой руки брата. – Как это тогда произошло? Мы ведь толком никогда не говорили об этом. – Младший брат сочувственно посмотрел на Анри.

– Я... – начал старший, но решил сначала обновить ХО у них в бокалах. – В тот вечер мы с дядей сидели в гостевой комнате у маминого аквариума, обложившись несколькими томами определителей рыб. Нам тогда только-только привезли нескольких новых сомиков, и дядя взялся помочь мне с нашим рыбьим регистром. – Жюль одобрительно кивнул, ведь он хорошо помнил, как бережно они относились и любили это мамино увлечение...

Братья исправно заносили всех обитателей «Эриду» в свой собственный регистр, добросовестно проводя перепись его граждан. Такой поход помогал вовремя рассчитать необходимое количество корма, лучшее время чистки аквариума, лучше понять, смогут ли мирно ужиться все рыбки между собой.

– Мы почти закончили, когда дядя ушел на инициацию... – Анри приостановился, а Жюль стал нервно прокручивать в руке бокал. – Я тогда не верил во всё это, но все-таки смутно помнил о том, что случилось с дедом, когда он попытался возглавить траст вместо временно исполняющей обязанности Хранителя из семьи Кебе, невзирая на все эти байки о проклятье. Мне было всего шесть, когда это произошло с дедом... Я часто думал, что всё это могло быть всего лишь сном, ведь ему тогда уже было за восемьдесят... Всякое могло случиться, да и всякое могло привидеться. По крайней мере отец убеждал меня в этом. В свои четырнадцать я считал себя достаточно взрослым, чтобы согласиться с отцовскими доводами, но... Я боялся, Жюль, я очень боялся за дядю. Мне нельзя было заходить в общий зал, поэтому почти всё

время я провел, сидя напротив входа перед дверью. Помню звук аплодисментов, ознаменовавших начало встречи, потом собравшиеся притихли, и слово взял кто-то один. О чём была речь, мне было не разобрать, но меня успокаивал тот факт, что я не слышу за дверью вскриков. Так продолжалось около пятнадцати минут, в течении которых я отчаянно ждал повторных аплодисментов, которые бы означали, что официальный приказ всё же был подписан. А согласно дошедшим до нас байкам о проклятье, подписание является важнейшим признаком того, что Зиндае принял претендента в качестве наследника.

– Зиндае Кебе, первый Хранитель фонда? – неуверенно уточнил Жюль.

– Да, тот самый, что сначала спас имущество семей-основателей во время войны, за что и был назначен в 1945-м Хранителем всех средств траста и, по сути, главным распорядителем, а затем проклинал всех его членов за попытку вести дела за его спиной.

– В уставе траста до сих пор прописано, что лишь Хранитель из семьи Кебе может быть распорядителем средств.

– А если быть более точным, – смотря на огонь в камине сквозь бокал, пояснял Анри. – Наследник семьи Кебе мужского пола. Это по факту и стало лазейкой для семей-основателей, ведь в случае отсутствия наследника мужского пола со стороны Кебе побыть временным Хранителем формально может один из глав семей-основателей.

– И из всех глав семей-основателей, которые пытались возглавить фонд, с тех пор никто не доходил до подписания приказа?

– Если верить тому, что я слышал, то нет. Пара человек успевали поставить часть своей подписи, как и наш дед, что формально делало главой вдову временного хранителя, как это случилось с нашей бабушкой.

– О смерти которой нам ничего не говорили до инициации дяди, – с горечью прошептал Жюль.

– Как я понимаю, они держали это в тайне, опасаясь, что своих претендентов на инициацию захотят представить другие дома-основатели, если им дать время на обдумывание. По этой причине объявление было сделано прямо на ежегодном собрании, за день до инициации. Так как у дяди не было супруги, он мог назначить регентом-хранителем нашего отца.

– То есть подписание – это финальная часть проклятья?

– Мне тогда хотелось в это верить. В прошлый раз, когда я, сидя на том же самом кресле, ждал деда, вместо повторных аплодисментов я как раз услышал вопли ужаса, заставившие меня ворваться в зал и увидеть то, что я тогда увидел. И вот спустя всего восемь лет я снова ждал... Ждал, пока время снова подходило к полуночи, как и в прошлый раз, как и в тех самых байках о проклятье траста. Часы показывали без тридцати секунд полночь, когда я услышал оглушительный звук аплодисментов. Я тогда подумал, что это был самый счастливый миг в моей жизни за последние годы. Я перестал чему-либо радоваться, с тех пор как мамы не стало, но те аплодисменты словно вырвали меня из темноты. Не помня себя от радости, я ворвался в зал, когда на часах с бронзовым спрутом было без пяти секунд полночь. Дядя сначала очень испугался, увидев меня в дверях, но потом тоже перевёл взгляд на часы, и мы вместе засмеялись... Он ведь почти смог... Почти... Секундная стрелка была на отметке три секунды до полуночи, когда из его глаз... – Анри опустил взгляд. – Из его глаз пошла кровь, затем он схватился за сердце и упал на стол. К сожалению, на этом его мучения не заканчивались. Дядя бился в конвульсиях еще две секунды, пока не поднял голову и посмотрел на меня в последний раз, после чего он снова рухнул на стол и больше уже не поднимался... Никогда. На часах, как и тогда с дедом, была ровно полночь, – Анри какое-то время молча смотрел в стакан, не в силах продолжить рассказ.

– Я тогда... – снова начал старший, – увидев это тогда, я всё вспомнил. Я точно видел то же самое с дедом... Кровь из глаз, конвульсии и ровно полночь на часах... И отец... Отец тоже это видел... Он стоял всего в двух шагах справа от него в ту ночь. Он просто не мог не

помнить... Он всё знал... Знал и позволил дяде... Ради денег... Ради этих чёртовых денег... – Анри зарылся ладонями в волосы и медленно выдохнул: – Плохо помню, как я пришел в детскую... Помню лишь, как что-то говорил Томасу про дядю, отца и про то, что нам нужно уезжать отсюда вместе с тобой, пока отец и нас не отправил на закланье. Я говорил и говорил, но он совсем меня не слушал. Я хватал его за руки и пытался тащить с собой, но, несмотря на четырехлетнюю разницу, Томас был крепкий малый, и все мои попытки казались ничтожными. И тогда я... Я толкнул его...

Анри устремил взгляд на покойного Томаса, с силой сжав подлокотник кресла.

– Не успев осознать, насколько я тогда был неправ, пытаюсь силой выволочь его из дома, я получил от Томаса несколько подсечек, после чего мы наконец начали продуктивный разговор. Он убедил меня, что мы вместе всё выясним у отца, и с дядей, скорее всего, всё должно быть в порядке.

Спустившись вниз, мы обнаружили, что первый этаж полон людей, которые в панике метались по дому, а в центре всего этого хаоса стоял наш отец. Томас первый подошел к нему и что-то сказал на ухо, после чего двое отцовских сподручных скрутили меня и силком утащили в гостевую комнату. Отец с Томасом молча шли за мной, пока, наконец, потеряв терпение, отец не ускорил шаг и, зайдя в гостевую, не закрывая двери, отвесил мне такую пощёчину, на которую был только способен, не переходя на удар. «Как ты посмел?! – сказал он мне тогда. – Как ты посмел курить эту дрянь в моем доме?! Снова! – говоря это, он еще раз впечатал свою ладонь в моё лицо. – Еще и брата в это втянул!» – Я посмотрел в коридор и увидел осуждающий взгляд стоящего там Томаса... Он мне не верил... Ни единому моему слову. Скорее всего, тогда в холле он прошептал отцу, что я снова курил марихуану. Не поверил... Решил, что я снова... Но это было всего раз, когда мамы не стало...

Анри не сводил взгляд с тех самых часов с бронзовым спрутом, а Жюль молча смотрел в пол.

– Отец всё знал и всё видел, а я все никак не мог понять, зачем ему весь этот цирк. Я кричал Томасу, что отец лжёт и что он всегда знал, что будет с дядей, на что отец снова меня ударил, но теперь уже по-настоящему. Томас какое-то время молча стоял в коридоре, но потом подошел к отцу, приобнял его и сказал, что они должны идти к дяде. Остальное я помню как в тумане... Лишь припоминаю, как пытался схватить Томаса и силой оттащить от отца, как он брыкался, и отец отчаянно пытался нас растащить. Помню, как я резко толкнул их обоих в сторону и как Томас влетел в мамин аквариум... Наш красивый «Эриду» рассыпался на сотни кусочков стекла, рыбки разлетелись в стороны, а Томас смотрел на меня, весь в кровавых царапинах, и отчего-то совсем не злился, а просто тревожно качал головой, что-то шепча.

Анри перевёл взгляд на брата:

– Ты знаешь... Я часто думал, что стало с теми рыбками? Мне отчего-то казалось, что не будь они испорчены нашим выверенным одомашниванием, им было бы намного проще. Я до сих пор полагаю, что они весьма успешно смогли бы сосуществовать друг с другом в естественной среде, без расчётов и ограничений. Без стеклянной коробки. Мы ведь покупаем их свободу за иллюзию безопасности, но вот мгновение – и все они на полу из-за драки двух мальчишек. Мы ведь не спрашивали, хотели ли они этого.

Анри налил себе еще ХО и вопросительно посмотрел на брата. Жюль, не сводя с него сочувствующих глаз, еле заметно кивнул.

– Я плохо помню, как схватил одну из рыбок с пола и выбежал из комнаты, нашел тебя в детской и усадил в отцовский Bugatti. Мы быстро отъехали от дома в сторону ближайшей заправки, по пути я, правда, кое-куда заехал, но... Я плохо помню детали... В общем, с заправки я хотел позвонить нашей тёте Селене, чтобы она забрала нас к себе в Гонконг. Мы почти доехали до моста, но на улице начался сильный дождь, перешедший в ливень, когда мы достигли оврага на повороте... Я потерял контроль, и нас перевернуло... Когда я очнулся, отец

с Томасом увозили тебя на скорой в реанимацию. Я пошёл за ними, чтобы поехать с тобой. Помню, как я положил руку на твое плечо... Ты еле дышал...

Анри тяжело выдохнул.

– Отец тогда с силой оторвал меня от тебя, сказав, что я не смею больше никогда к тебе прикасаться. Когда скорая уехала, я увидел оставшегося поодаль Томаса. Шёл сильный ливень, вокруг было так мокро и темно, но его глаза пылали, словно два факела. Я пытался всё ему объяснить, но он не слушал меня. Мы били друг друга что было сил, пока просто не скатились в овраг, продолжая ворочаться в грязи.

Анри быстро осушил стакан, убрав его обратно на мраморный столик.

– Томас ударил меня еще несколько раз подряд, перед тем как подняться на ноги. Развернувшись ко мне спиной, он сказал, что больше никогда не желает меня видеть, и быстро зашагал в сторону дороги. Я лежал там, весь в грязи, ещё минут десять, а затем, попытавшись подняться, понял, что моя левая рука, на которую при нашем падении в овраг приземлился Томас, была сломана в нескольких местах. Пешком я добрёл до заправки, там дозвонился до тётки и уснул прямо у телефонной будки. Следующим вечером я проснулся уже в доме её друзей, а через два дня она прилетела за мной сама и забрала в Гонконг. Отец был не против, – завершил Анри, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки на груди, глубоко выдохнул.

Жюль молча кивнул головой, переводя взгляд с Анри на покоящегося в гробу Томаса.

– Последние три месяца он очень плохо спал. Я знал, что он что-то скрывал от меня и планировал последние два года, но никак не мог понять что. Знаешь... Мы ведь всё проверили. Еда, напитки, одежда, ручка, бумага. Если кто-то из семей всё время травил нас одного за другим, то должны же были остаться хоть какие-то следы, – Жюль расстегнул верхние пуговицы рубашки и по примеру Анри откинулся на спинку кресла.

– Формально причина всё так же остановка сердца, – начал Анри. – В мире есть несколько десятков ядов, способных вызвать похожий эффект и не оставить при этом никаких следов. Но вопрос состоит в том, кому это всё нужно и как, в конце концов, им удастся проворачивать всё это раз за разом, не привлекая при этом лишнего внимания. Кстати, ни одного из представителей семей-основателей не было на похоронах. Ни пунктуальных Лангле, ни обычно подающих другим пример Лоупов, никого из Оуков или Сигони. Ладно чета Драго, они в целом не сильно контактны, но то, что Картье и Иглы только отзвонились, я не ожидал. Кстати, не находишь странным, что Бернары тоже не явились? Ведь для них это был бы такой удобный случай невзначай утереть нос семейству Игл.

– Нашел бы очень пугающим, если бы они появились, – потеряв запястье, ответил Жюль. – Их дом сгорел три месяца назад... Супруги Бернары вместе со своим сыном. Мне очень жаль, Анри, я помню, что Оберон был твоим одноклассником.

– Оберон... – тяжело выдохнув, прошептал Анри. – Сначала семья Бернар полным составом, потом наследник Леро. Прямо детектив какой-то.

– Да, только с элементами вуду, – добавил Жюль. – Ты в этот вариант совсем не веришь?

Анри перевел взгляд на часы и увидел, что они показывают без одной минуты полночь. Глубоко вздохнув, он откупорил новую бутылочку «Леро Extra» двадцатилетней выдержки и аккуратно разлил коньяк по ранее приготовленным рюмкам-тюльпанам на высокой ножке с узким горлышком.

– Вера – удел юных, а я способен только на скепсис и саморазрушение, – задорно сказал он, протягивая бокал брату. – За Факела, который еще столько всего мог изменить, но тем, что он этого не сделал, он уже изменил многое.

– За Факела, – согласился Жюль и, посмотрев в сторону гроба, добавил: – Я тут подумал, эти запонки...

Анри молча кивнул и, сняв с себя серебряные запонки в форме небольших кораблей, осторожно подошел к гробу, словно боясь разбудить Томаса, аккуратно меняя на серебряную

пару столь несуразно подобранные организаторами медные в форме морских якорей. Жюль осторожно убрал пряди с лица погибшего брата и, наклонившись, последний раз поцеловал его в лоб. Недолго постояв у гроба в тишине, он кивнул Анри и так же молча вышел из комнаты.

Часы показывали уже половину первого, но Анри, сидя в кожаном кресле напротив часов, всё смотрел на мирно лежащего в гробу Томаса, крепко сжимая в руке найденную утром фигурку.

Глава 2. Медуза

– Тик... Тик... Тик... – злосчастные часы с бронзовым осьминогом по-прежнему заставляли Анри ощущать дрожь в теле, раз за разом прокручивая в его голове сцены со смертью деда и дяди.

– Два часа ночи, – с удивлением констатировал он, проснувшись всё в том же кресле главного зала, прямо напротив гроба покойного брата. Несмотря на то, что кресло оказалось на удивление комфортным, Анри нехотя привстал, намереваясь всё же дойти до своей спальни. Громко шоркая ногами, он поплёлся вдоль длинного темного коридора, прихватив с собой бутылку открытого «Леро Extra».

– Та-да-да... тра-да-да-да... да-да-та... Да как же там было? – довольно насвистывал он полужабытую рок-балладу.

Поднимаясь на второй этаж, Анри чуть замешкался, но, приближаясь к своей комнате, начал напевать:

– Мой страшный зверь... Он в темноте совсем один... А что там было дальше? О! Залезь в мой шкаф... Найди скелет, играйся с ним! В моей руке... всего лишь пульт... Давай со мной! Забьём в башку ещё нулей и пропоём... – снимая левый ботинок на ходу, Анри на секунду потерял равновесие и чуть не уронил бутылку коньяка двадцатилетней выдержки на пол. – Стой... Плетись... Иди... Беги... Стой, плетись, иди, беги... Стой! Плетись! Иди! Беги! Стой!..

– Я у тебя за спиной, – услышал он позади себя финальную реплику припева из открытой двери темной комнаты и от неожиданности выронил бутылку.

Тяжело дыша, Анри старался не двигаться, словно игнорируя собственные уши. Он хорошо понимал, что этот странный гортанный голос точно не принадлежал Жюлю или кому-то из персонала. Еще лучше он понимал, что не хочет видеть то или того, кому этот голос принадлежит.

– Я у тебя за спино-о-о-ой, – настойчиво донеслось позади, но Анри все так же не шевелился.

– Спиной! Спиной! Спиной! Спиной! Спиной!

Не выдержав столь мерзкого визга, Анри с болью схватился за уши, обернулся на звук, и голос в ту же секунду стих. Весь пол комнаты был залит алой кровью, в которой медленно бултыхались мелкие аквариумные рыбки.

– Только не на кровати, – шёпотом молил он, переводя взгляд в центр комнаты. – Только не на кровати... Только не... она!

Но это была она. С большой деревянной кровати в центре комнаты на него сейчас со злостью глядели два серых глаза. Голова девушки была вывернута в неестественном положении, так, что копна её длинных каштановых кудрей свисала вниз, словно щупальцы медузы. Мертвенно-бледные руки раскинулись на постели, словно на них были перерезаны сухожилия, отчего их владелица уже не могла ими управлять. Из тонких вен на пол всё ещё продолжала струиться кровь.

– Ты опоздал... Ты видишь, что ты опоздал?! – рычала девушка.

– Мари-Жюли, – опустив глаза, начал было он, но тут же был перебит.

– Стой... Плетись... Иди... Беги... – начала она.

– Я... – снова попытался он.

– Стой, плетись, иди, беги... Стой! Плетись! Иди! Беги!

– Послушай! – закричал он.

– Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги!

Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги!

Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги! Беги!

Жуткий визг резал его уши так сильно, что, не выдержав этой резкой боли, он упал на пол...

Холодный пот крупными каплями стекал со лба Анри, когда, открыв глаза, он обнаружил себя по-прежнему сидящим в кожаном кресле напротив бронзовых часов с осьминогом. Два часа ночи... Тяжело вздохнув, Анри медленно побрёл к себе, оглянувшись на бутылку открытого «Леро Extra», но чуть поколебавшись, решил оставить её здесь. Быстро пролетев ступеньки на пути к спальне, он чуть замедлил темп, подходя к своей комнате в конце коридора на втором этаже. Дверь снова была открыта... Осторожно, словно по льду, он выверял последние восемь шагов до открытой двери. Восемь... Семь... Шесть... Пять... Четыре... Три... Два... Один...

Лежавшие на прикроватном столике бумаги были небрежно раскиданы по полу ворвавшимся из незакрытого балкона ветром. Медленно подойдя к кровати, он быстро снял пиджак и, повесив его на стул, посмотрел вдаль сквозь открытый балкон. Он смотрел в ту сторону, где днём четко виднелась ярко-багровая крыша особняка семьи Лангле.

– Прости меня, Мари-Жюли... – прошептал он, упав на кровать, и в то же мгновение обессилено уснул.

В ту ночь ему больше ничего не снилось.

– Как насчет утреннего кофе в постель?

Анри привстал на локти, пытаясь установить источник разбудившего его шума, это оказался нависший над ним Жюль.

– Я бы предпочел, чтобы меня спросил об этом кто-нибудь посимпатичнее, – ответил он, переворачиваясь на правый бок.

– Мне позвать дворецкого? – лукаво хихикнул младший, стаскивая с брата одеяло.

– Позови мисс Францию... – зарываясь в подушку, прорычал Анри.

– А как же девушки-воины из твоего любимого девчачьего аниме? Я, кстати, слышал, что у отца были определённые опасения в тот период на твой счет.

– Что за нелепые гендерные стереотипы, это вообще-то культовая классика японской анимации, – зевнул он, отбирая у Жюля своё одеяло. – Почему так рано? Погребение же в одиннадцать?

– Пришлось перенести погребение на вечер. К часу нам нужно быть на благотворительном приёме в Монпарнасе. Так что жду тебя на завтрак через двадцать минут, – деловито отчеканил младший и, выждав несколько секунд, с улыбкой добавил: – Месье Чёлка.

Запустив в ускользящего в двери брата подушкой, Анри ещё несколько минут неподвижно смотрел в белый потолок, с удивлением понимая, что впервые за девятнадцать лет он не чувствует в стенах родного дома.

Приняв душ, одевшись и наспех расправившись с завтраком, Анри всё ещё в полудрёме сел в машину и, проспав почти всю дорогу, неожиданно для себя оказался в пятнадцатом округе Парижа, а если точнее – в одном из самых высоких в Европе панорамных конференц-залов знаменитой башни Монпарнас.

Подобные приёмы часто напоминали Анри рыбный косяк. Сбиваясь в кучку, тучи рыб, преодолевая собственное ничтожество, пытаются предстать перед миром чем-то большим, нежели они сами. Все эти знатные гости, мелкие поодиночке, собираясь вместе, раздувались до невероятных размеров, с самого утра заливая литрами алкоголя остатки собственного разума... И зачем только Жюль притащил его сюда сразу после завтрака? Ему же ещё нужно успеть собрать чемодан до отъезда. Анри нервно покрутил часы. Время 13:20, до обратного рейса в Гонконг ещё десять с половиной часов, так что, в принципе, он успевает.

– Ну, великий, – прервал его мысли младший из детей Леро, беспечно потягивая апельсиновый сок. – Кто на этот раз предстаёт перед нашим взором?

– Судя по собравшимся сегодня персонам... – Анри лениво перемещал взгляд по залу, слегка задержавшись на интересной фигуре, отстранённо попивающей коктейль у самого входа. – Стая судаков.

– Судаки? – блондин с вопросом закусил нижнюю губу. – Поясни.

– Обитают только в пресных водоёмах, – начал старший, многозначительно указывая на ютившуюся в углу прессу. – Иначе бы на камеру не светились. Хищники, их выдают крупные клыковидные зубы на верхних и нижних челюстях, – продолжил он, озираясь на персональных телохранителей, дежуривших вдоль периметра зала. – Судя по видимым признакам, – он переводил взгляд с гостя на гостя, мысленно выделяя отдельные предметы их гардероба, – их рацион в основном состоит из мелкой рыбы, лягушек или раков, – поймав недоумённый взгляд своего собеседника, он тут же потрудился пояснить: – То есть их в основном питает средний класс, – надкусив оливку из бокала, он продолжил: – Напомни мне основную тему сегодняшнего приёма?

– Торжественное открытие Фонда борьбы с коррупцией в странах Восточной Европы и Центральной Азии, – с интересом протянул Жюль.

– Ну разумеется... Предпочитают галечное дно, особенно если там есть коряги, пни, камни, за которыми можно спрятаться. Используют их как укрытие, – Анри многозначительно перевёл взгляд на вывеску с логотипом упомянутого фонда. – Такое поведение помогает рыбе охотиться из засады. Окрас позволяет судаку маскироваться, так рыба подпускает на близкое расстояние жертву, а затем резким рывком захватывает добычу. Большинство из них, должно быть, банкиры или торговые представители. Итак... Зачем я здесь? У меня обратный рейс в полдвенадцатого ночи, – лениво протянул он.

– Подожди еще пару минут, братец, – с нежностью отрезал блондин. – Только постарайся не сожрать тут никого, – похлопав брата по плечу, добавил он. – Я пойду найду пару человек и вернусь с новостью, надеюсь, что с хорошей.

Анри задумчиво устался в угол, не сводя глаз с заинтересовавшего его мужского силуэта у самого входа.

– Но что более интересно, – шёпотом продолжал он. – Хоть судак и считается стайной хищной рыбой, всё же крупные его особи предпочитают одиночество, – завершил он, расправившись с оливкой и убрав всё ещё полный стакан «Маргариты» на соседний столик, напрямую направившись к высокому незнакомцу. – Широкоплечий... – отметил он.

Широкие плечи всегда подсознательно вызывали у Анри восхищение, хотя бы потому что, во-первых, как в детстве часто любила повторять его земной идол – тётя Селена, ничто так явно не указывает на силу характера мужчины, как величественные плечи и спина, а во-вторых, оттого что всем этим он, к сожалению, не обладал. Несмотря на свои почётные тридцать три, он до сих пор был куда меньше чем собственный младший брат.

– Мы знакомы? – в недоумении выдавил почти двухметровый «судак», медленно попивающий свой «Майтай» и отчаянно пытающийся сообразить, с какой целью темноволосый незнакомец, подойдя практически вплотную, вот уже полторы минуты молча таращится на его плечо.

– О, простите, – всплывая из глубин своих мыслей, вернулся на сушу Анри. – Анри Леро, – протянув руку, добавил он. – Мой брат Жюль – один из собственников этого здания. Зал, конечно, не самый шикарный, но, как говорится... – глаза Анри предательски соскочили на невероятной красоты изящные запястья, нежно обвившие сильные руки судака.

– Джеральд, друг мой, ты не представишь меня своему собеседнику? – Анри с трудом перевёл взгляд с потрясающих девичьих кистей на тёмные, как пропасть, глаза. Вне всякого сомнения, если широкоплечий – судак, то она должна быть тиной. Определённо тиной! Если бы у падения в бесконечность было дно, то самое конечное дно, во тьме которого вы бы без зазрения совести поступились любым постулатом морали и не моргнув расстались бы с соб-

ственной жизнью, – на этом дне вы бы нашли тину. Уникальное по своей природе, это создание включает в себя десятки тысяч растений, на троне численного преимущества которых неизменно восседают водоросли. Сначала она даст вам всё, чего вы желаете, а затем всем, что вам нужно, станет только она.

– Месье Леро, позвольте представить вам моего босса – мадам Тамилу Куле, – медленно протянул судак довольно раздражённым голосом. Ему явно не доставлял удовольствия этот разговор.

– Тамилу Николь Куле, – улыбнувшись, поправила она. – Леро... – собеседница многозначительно закусилла нижнюю губу. – Слышала о вашем отце, соболезную. Очень неприятная история. Авария средь бела дня, – девушка по-театральному трагично потупила взгляд. – И ещё о брате... Он был довольно хорош на посту главы дома, – манерно положив руку на его ладонь, на выдохе завершила она.

– Благодарю вас, мадам. Томас действительно был достойной заменой отца, не только в отношении урегулирования внутренних дел, – Анри сделал короткую паузу, – но и развития новых направлений, в которых, рискну предположить, спустя всего несколько лет компании бы явно не было равных, – он приподнял правую бровь, глядя прямо в бездонные глаза напротив. – Его стиль руководства я бы назвал безупречным, – заключил он весьма официальным тоном, не отводя взгляда от девушки. – Еще раз благодарю вас и рад нашему знакомству, мадам Куле. Наследница легендарной империи Куле... Наши предки вели когда-то общее дело, если не ошибаюсь? – улыбаясь, добавил он, высвобождая свою руку от нежного касания столь ласковой тины.

– Да, полагаю, вы правы, – коротко отрезала мадам Куле, делая небольшой глоток пинаколады и перекладывая коктейльный бокал в теперь уже свободную правую кисть. – Но ваш предок обскакал моего, сыграв в дружбу до гроба с кучкой фанатов вуду где-то в Южной Африке, – ехидно добавила она.

Вот это реакция... «Ну что же с вами, королева, вас обидел мой невинный вопрос?» – блаженно улыбаясь, мысленно повторял про себя Анри, не сводя глаз со своей собеседницы. Капризно сдвинутые брови, манерное одёргивание с лица слегка выбившейся прядки...

– Это всё же не вся правда, мадам Куле, – с улыбкой протянул он.

– О чём это он? – злостно выдавил разгорячённый «судак».

– Мадам Куле знает о чём, – нежно высвободив бокал из её кисти, Анри взял его в свою правую руку и неспешно отпил. – Недурно, но я пробовал и лучше, – улыбаясь, добавил он.

– Прошу прощения, мне нужна минуточка внимания, – общий гул нарушил, как всегда, безупречный Жюль. – Дорогие друзья, от лица нашей галереи я хотел бы ещё раз поблагодарить всех собравшихся на этом важном приёме, в особенности организатора этого мероприятия и... мою очаровательную невесту... мадам Тамилу Николь Куле! – зал зааплодировал, и мадам Куле, расплывшись в довольной улыбке, выхватила свой бокал у ошарашенного Анри и поднялась на сцену.

Анри всё ещё не мог поверить в происходящее... Жюль... Он... Что он делает?! Женится на их главном конкуренте? Но зачем!

Тем временем мадам Куле, прытко выхватив у Жюля микрофон, сделала объявление:

– Уважаемые друзья, я так рада видеть всех вас сегодня, ведь я очень хочу поделиться своим счастьем с самыми близкими мне тремястами человеками, – зал тут же среагировал на шутку. – Наша свадьба станет поистине историческим событием... Ведь мы не просто свяжем наши судьбы... – в зале поднялся шёпот. – Да-да, вы все правы. Ровно через тринадцать дней мы произведём слияние не только наших сердец, но и всех активов, проще говоря, между Ист-Эндской инвестиционной компанией и трастовым фондом «Октава» отныне не будет ни-че-го скрытого, – зал взорвался аплодисментами.

Анри нервно закашлялся... Ничего... То есть она подразумевает... Он перевёл серьёзный взгляд на Жюля и всё понял... Траст! Тринадцать дней... Жюль встает на шахматную доску на место Томаса... Анри вытащил из кармана заботливо распечатанную им с утра транспортную квитанцию рейса Париж – Гонконг, небрежно смял её и залпом выпил «Лонг-Айленд», взятый с подноса пробежавшего мимо официанта. Тринадцать дней... У них всего тринадцать дней, чтобы выиграть эту партию. Его глаза судорожно забегали по залу, а шейный платок неожиданно начал душить.

Чуть освободив шею, Анри убрал стакан на соседний столик и, проведя рукой по уложенным волосам, закрыл глаза, глубоко вздохнув. Один... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Распахнув глаза, он почувствовал себя иначе. Голоса вокруг стихли, сердце пришло в свой обычный ритм. «Ну вот, – радостно подумал он. – Стоило только немного успокоиться», – и тут... сердце его остановилось. Прямо перед ним, в каких-то десяти метрах, непринуждённо вела беседу и дружелюбно ему улыбалась невысокая смуглая девушка в изящном белом платье и бежевых лодочках на невысоком каблуке. Та самая смуглая девушка, которую он так часто видел в своих снах. Та самая смуглая девушка, чьё бездыханное тело он обнаружил в её спальне дома Лангле девятнадцать лет назад... Та самая... но... Живая! Мари-Жюли...

– Белые стены... Стены... Нет, сначала потолок, – Анри судорожно пытался привести голову, упорно отказывающуюся ему подчиняться, в привычное состояние. Чуть приподнявшись, он глянул на прикроватные часы. Без десяти минут девять утра... Утра?! Ни как он попал домой, ни что было после трех дня, ему совершенно не удавалось вспомнить.

– Я требую не менее десяти тысяч евро за моральный ущерб, – оскорблённо начал появившийся в дверях Жюль.

– Я устроил вечер немого кино? – невинно улыбаясь, предположил Анри.

– Ты слишком хорошего мнения о себе, – дежурным тоном ответил младший брат. – В общем, с тебя химчистка моего костюма, частичный ремонт одного из наших шарантских аламбиков и замена люстры в общем зале. Её уже не спасти. Точно.

– Значит, Леопольд вернулся... – с удивлением констатировал Анри. – Я так полагаю, что погребение опять перенесли?

– Да, у нас сорок минут на дорогу до кладбища. Какой Леопольд?

– Не бери в голову. Жюль, а ты всё так же хорош в гонках на ржавых велосипедах? – с вызовом скидывая левую бровь, спросил старший.

– А ты всё так же не умеешь проигрывать? – ехидно протянул блондин.

– Ты обгонял меня всего пару раз, так что я бы сказал, что наши шансы сейчас примерно равны, – поднимаясь и в спешке натягивая на себя брюки и бирюзового цвета толстовку с аббревиатурой M31, отозвался он.

– Ты хотел сказать, почти каждый раз? – выкрикивал Жюль, уже спускаясь по лестнице.

Выскочив во двор, братья воодушевлённо ринулись к старому сараю, напротив пристройки с летней кухней. На их удивление, потрёпанные жизнью велосипеды всё ещё выдерживали на себе вес взрослого наездника и даже разгонялись до вполне приличных скоростей. Огорчало лишь то, что дорога у дома была очень вязкой. Начавшийся около шести утра дождь по-прежнему моросил, отчего их путь всё больше и больше походил на тот детский роковой побег в отцовской машине.

Проехав около пяти километров вдоль основной дороги, они свернули на север и, преодолев еще три километра свозь рощу, наконец приблизились к старому семейному кладбищу. Эта земля принадлежала семье Леро ещё со времён покупки их легендарным предком-основателем Карлом-Луи Леро, поэтому вопрос о месте захоронения родственников никогда не

стоял. Даже если ты настроен на кремацию, будь уверен, твой пепел развеют где-то здесь. Без вариантов.

Припарковав железных коней у ограды, парни с осторожностью пробирались к могилам сквозь небольшой сад, также принадлежавший дому Леро.

– Сколько же здесь места... – восхищённо начал Анри. – Всё никак не привыкну после Гонконга.

– Ты же не хочешь установить сюда парочку сорокафутовых контейнеров и сделать из них капсульный отель? – с улыбкой протянул Жюль.

– Ну, тебе бы, конечно, этого очень хотелось, но, к твоему сведению, я давно мечтаю открыть свой чимчильтан. Только представь, своя пятиэтажная баня в корейском стиле, из тех, что с ночёвкой, игрой в го и поеданием печёных яиц, – мечтательно ответил Анри, наглядно изображая, как он раскатывает воображаемое печёное яйцо по полу.

– Главное, чтобы не столетнее яйцо, – с ужасом вспоминая прошлую поездку в Гуанчжоу, отозвался младший.

– О, хорошо, что вспомнил! Я привез тебе семь пачек перчёных куриных лапок, – хищно улыбнувшись, вдруг сказал Анри.

– Спасибо, дорогой брат. Ведь я их просто обожаю, – прикрывая рот ладонью, прокомментировал Жюль, с трудом подавляя рвотные позывы, появившиеся при одном упоминании о «любимых лакомствах». И зачем он только согласился на тот спор с Анри!

– Доброе утро, джентльмены, – обратился к ним уже знакомый Анри святой отец, проводившей службу на поминках Томаса.

– Доброе утро, отец Николас, – в один голос поприветствовали его наследники дома Леро.

– До начала погребения осталось всего десять минут, но я не вижу здесь никого, кроме вас двоих и представителей похоронного бюро.

– Всё в порядке, отец Николас. Большая часть друзей ещё вчера успела попрощаться с погибшим, поэтому погребение мы проведём в тесном семейном кругу. – отозвался Жюль, приглашая собеседников пройти к могиле брата.

Интересная особенность этого кладбища состоит в том, что здесь вы не найдете привычных взгляду надгробий или статуй погибших. Согласно семейной традиции, умерших хоронили в деревянных гробах из Тронсёйского дуба, того самого, из которого делают бочки, в которых выдерживают коньяк. Вместо надгробия над головой погибшего высаживают саженец дерева, так что по количеству деревьев в этой зоне вы довольно точно сможете сосчитать количество захороненных здесь членов семьи Леро. План расположения могил хранился у представителей похоронного бюро, с которым семья вела дела последние две сотни лет, и у старшего наследника дома.

– Здравствуй... – прошептал Анри, остановившись у цветущего фиалкового дерева.

– Привет, мама, – нежно положив ладонь на свисавшую фиалковую ветвь, отозвался Жюль. – Отец, дядя, – тут же кивнул он в сторону гордо возвышавшихся рядом дуба и тополя.

– Я полагаю, ты остановился на клёне? – разворачиваясь в сторону могилы Томаса, уточнил Анри.

– Да, но это не всё, – потащив брата за рукав, ответил он. – Видишь эту рассаду? – указал он в направлении огибающих могилу еле заметных саженцев. – Следующей весной здесь будут ландыши. Он всегда их любил.

– Забавно... А я ведь даже не знаю, какие цветы предпочитаешь ты, – рассеянно протянул Анри, глядя на стоявший напротив гроб. Он не хотел поднимать разговор о вчерашнем приёме до вечера, но всё же не смог себя сдержать.

– Если всё пройдет хорошо, то я надеюсь, что ещё очень долго и не узнаешь.

– Если ты захотел таким образом сильно себя замотивировать, чтобы раз и навсегда разобратся со всем этим семейным полтергейстом, то не спорю, мотивация сильная, – усмехнулся

Анри. – Но тринадцать дней... – тяжело выдохнул он. – Поверить не могу, что мой маленький Гуппи собирается сразиться с большей частью океана. Заметь, я ведь даже не называю, с кем конкретно, ведь я понятия не имею, о ком или о чём идет речь.

– Ну, у меня в этой игре есть весомое преимущество, – таинственно прошептал Жюль.

– Что за преимущество? – озадаченно поинтересовался Анри, сдвинув брови и повернув голову на младшего.

– Ты, – с улыбкой ответил младший, положив руку на его плечо.

– Всё ещё хуже, чем я думал, – истерично вздрагивая от смеха, произнёс Анри, тут же ловя строгий взгляд святого отца, уже приступившего к панихиде.

– Кстати, о помолвке... – шепотом продолжил Анри. – Мог бы найти конкурента посимпатичнее.

– Да ладно! Ты серьезно? – недоумевал Жюль. – Характер – не спорю, но чисто внешне?

– Просто кошмар, – издевался над братом Анри. – Не видел большей дурнушки в тот вечер.

Жюль ткнул сотрясающегося от смеха брата в живот.

Святой отец сделал жест, и, подойдя ближе, парни в последний раз положили ладони на крышку гроба, после чего сотрудники похоронного бюро принялись опускать его в могилу. «Я... Там должен был лежать я. Я, а не Томас», – крутилось в голове у Анри.

– Всё хорошо? – заметив его тяжёлый взгляд, поинтересовался Жюль.

– Да, просто... Слишком много всего для двух дней. Знаешь, ты меня чуть не убил своей вчерашней новостью о помолвке. Мне... – Анри замялся. – Мне даже всякий бред начал мерещиться, – потеряв виски, всё-таки произнёс он.

– Например? – серьезно спросил Жюль.

– Ну... – Анри медленно выдохнул. – Ты помнишь Мари-Жюли? Одну из близнецов Лангле. Она была старше меня на три года.

– Да, конечно. Они ведь наши ближайшие соседи.

– Мне показалось, что я видел её на приёме... живой, – нервно потирая руки, сказал Анри.

– В смысле, живой? Анри, ты никого с ней не путаешь? Тебя удивляет, что ты видел живой живую девушку у нас на приёме? – улыбаясь, переспросил он.

Анри застыл, не в силах пошевелиться. То есть как это... живую?!

– Жюль... Мы с ней в школьные годы были довольно близки.

– Кстати, далеко не только с ней, – с укором перебил его Жюль.

– Да, но... В ту ночь, когда мы покинули дом... Ты помнишь, как мы заезжали к Лангле?

– Я помню, что мы останавливались недалеко от дома, но ничего более.

– У неё была сильная депрессия в те годы, после смерти их матери. Совсем как... Совсем как у нас. Я знаю, что было что-то ещё, что-то, чем она не могла со мной поделиться. А может быть, я не желал её слушать. Я правда не помню. В общем, в тот вечер я хотел с ней попрощаться перед отъездом и, по привычке зайдя в дом с кухни, поднялся на второй этаж и... Я... Я... – Анри начал заикаться. – Она... Я нашел её с перерезанными венами в её собственной постели, – опустившись на корточки и закрыв голову руками продолжал он. – А когда понял, что она не дышит... Я просто убежал... Убежал, как последний трус...

– Анри, послушай... Понимаю, что не должен тебя об этом спрашивать, но... Я никогда не слышал об этом ни от кого, да и отец говорил, что в тот период ты... В общем, ты уверен, что всё это было реально?

– Да... – уверенно ответил Анри, вставая. – Я обещал дяде, что брошу, и бросил курить ту гадость.

– Хм-м... – Жюль тяжело выдохнул. – Я особо не пересекался ни с кем из Лангле эти годы, но почти уверен, что близнецы в добром здравии, как и их отец. Томас виделся с ним

примерно за полгода до церемонии, ну и во время... Возможно, девушка осталась жива после попытки суицида, а Лангле просто не захотели об этом распространяться.

– Да, но... Она... Я почти уверен... Там было столько крови, и её глаза и кожа, – Анри опешил. – Хотя... Ты, скорее всего, прав, это всё от нервов, – завершил Анри, убрав руки в карманы.

Подходя к гробу, братья взяли в руки по горсти земли и в последний раз, взглянув вниз, попрощались с Томасом.

Доехав до дома под проливным дождём, они кинули велосипеды у входа, спешно войдя в дом. Жюль тут же отправился в душ, и Анри уже было хотел последовать примеру брата, сделал пару шагов по лестнице в направлении своей комнаты, но его планы прервал оглушительный звонок.

– Тыр-р-р-р... Тыр-р-р... – старинный городской телефон грозно рычал на своих владельцев сквозь всю гостиную.

Анри нехотя поднял трубку.

– Дом семьи Леро, чем я могу быть полезен? – ответил он.

– Месье Леро, добрый день! Это ваш дворецкий Франсуа де Галлон.

– Добрый день, месье де Галлон, – удивлено произнёс Анри. – Простите, я вас не узнал. У вас же сегодня выходной. Что-то случилось? – предположил он.

– Нет, месье, всё отлично. Я звоню, чтобы справиться о вашем самочувствии. Вам было не очень хорошо вчера, – ответил дворецкий с нескрываемой неловкостью в голосе.

Анри перевёл взгляд на мраморный столик и увидел толстый окурок в пепельнице.

– Месье де Галлон, – перебил его Анри. – А вы курите?

– Нет, сэ. Как и никто из персонала дома.

– Похвально... Жюль тоже не курит, а я бросил неделю назад, – озадаченно протянул он. – Прошу у вас прощения за мой неподобающий вид и спасибо вам большое за помощь, я полагаю, вам с Жюлем было не сладко тащить меня на второй этаж и переодевать как трехлетнего ребенка.

– О, месье, не стоит. Ваша спутница обо всём позаботилась.

– Спутница? – Анри не верил своим ушам. Почему же он совсем ничего не помнит?

– Да, очень учтивая, красивая и, судя по всему, очень сильная барышня. Она помогла вам подняться в спальню, уложила в постель и почти сразу покинула дом, за два часа до приезда вашего брата.

Мысли в безумной пляске метались в голове Анри, не давая ему возможности выстроить всю эту кашу в связный логический ряд. В голове были лишь какие-то образы и вспышки. Что-то понемногу нащупывается... Чьи-то руки, улыбка, синяя машина, потом дом, его собственные ноги, пол и губы... Губы?! Кажется, это был едва уловимый поцелуй в макушку. Анри начинал припоминать, как она... Она, кто она?! Давай, Анри, постарайся вспомнить. Он закрыл глаза и мысленно заполнил комнату водой, стараясь погрузиться в то самое сонное состояние. Женские руки накрывают его одеялом, губы целуют в макушку и тихо шепчут:

– Спи крепко... Спи... Поганый эмо-бой.

От последних слов, всплывших в памяти, Анри словно бьет током.

– Всё в порядке, месье? – спросил его всё еще остававшийся на линии собеседник.

– Надеюсь, месье де Галлон. Очень надеюсь... – тихо прошептал Анри, поглядывая на одиноко лежавший окурок и переводя взгляд на большие часы с бронзовым спрутом.

Глава 3. Спрут

– Жюль, а теперь давай по порядку, – открывая стеклянную бутылку минеральной воды, неторопливо начал Анри, вальяжно откидываясь на мягкую спинку пассажирского сиденья такси. – Ради чего же мы тряслись в самолёте почти семь часов до Дакара, если, как я заметил, мы уже давно не едем в сторону здания основного архива траста?

– Если у нас получится попасть в вестибюль гостиницы «Пулман» в течение ближайших десяти минут, – набирая текстовое сообщение, отвечал Жюль, – то, я полагаю, ради встречи с мадам Ба...

– Ба? – непонимающе вскинул брови Анри. – А она в девичестве случайно не носила фамилию...

– Кебе. Все верно. Она из семьи Хранителей фонда, но по гендерным причинам была лишь временно исполняющим обязанности Хранителя траста после смерти нашего отца и до инаугурации Томаса. Сейчас эта должность перешла ко мне.

– Но разве Томас не успел подписать документ? По идее ты сейчас регент-хранитель, как отец после смерти дяди.

– Так как он успел оставить лишь две подписи из четырех требующихся, объём моих полномочий очень лимитирован, что фактически приравнивает его к содержанию полномочий временно исполняющего обязанности Хранителя траста. Как ты понимаешь, этого недостаточно, чтобы играть по-крупному, поэтому я решился на инаугурацию, только так мы сможем по-настоящему всё изменить.

– А что по тактике переговоров? – с тревогой поглядывая на часы, уточнил Анри, когда минутная стрелка уже подходила к половине двенадцатого вечера по парижскому времени, что означало, что они почти опаздывают на встречу.

– Попытаемся получить от неё реакции на основные версии происходящего: либо вариант с внешней диверсией, либо внутренний саботаж, либо...

– Ты же не думаешь об этом всерьёз? – скептически посмотрел на него Анри.

– Я видел то, что видел, как и ты. Мы не можем исключать проклятье. Кроме того, три месяца назад у них была встреча с Томасом, она может что-то знать о его смерти.

– Разумно...

Виды побережья из окон авто внезапно напомнили Анри, что он так и не открыл купальный сезон в этом году. Сначала тяжело перенесённый им весной грипп, потом завал на работе в связи с запуском новой линейки после заключения контракта с достаточно жирной американской конторой, потом доработка старых моделей для сразу нескольких международных экспо. Да и в целом рынок нейропротезирования ещё очень молодой и быстро набирает обороты, поэтому нужно постоянно держать руку на пульсе. Семь дней в неделю с восьми утра и практически всегда до восьми-девяти вечера. Так бывает, когда работаешь над собственным продуктом. Ну, а точнее, над тётиным продуктом. Всё в компании принадлежит ей, а он всего лишь один из бесконечного количества управленцев среднего звена с небольшой командой и парочкой собственных разработок.

– Какая жалость, что у нас не получится задержаться здесь на пару деньков, – мечтательно протянул Анри.

– Да, что ни говори, а людей тянет к океану, – улыбнувшись, подтвердил Жюль.

– Тянет... Тянет обратно в воду, – кивая, соглашался старший.

– Месье Леро, мы сейчас напротив «Пулман Дакар», – басом рапортовал водитель.

– Благодарим, месье Жеро. Припаркуйтесь, пожалуйста, неподалёку. Мы должны освободиться в течение часа. Я позвоню вам, как только мы закончим, – учтиво попросил Жюль.

Едва машина успела притормозить, к ней тут же подоспел молоденький швейцар, любезно открывший братьям дверь и сопроводивший их в главный вестибюль гостиницы. Желто-коричневый главный холл по своему внешнему виду ничем не отличался от вестибюлей большинства сетевых отелей, раскиданных по всему свету.

– Забавно, – подумал Анри. – Все мы день за днем, год за годом становимся всё больше и больше похожи друг на друга: смеёмся над одними роликами в интернете, едим одну и ту же еду, переводим иностранные мемы, поём одни и те же песни, но почему-то ближе не становимся и упорно продолжаем что-то постоянно делить между собой. Сколько лет ещё должно пройти? Пятьдесят? Двести? Тысяча? Способно ли человечество жить в мире с собой?

– О чём задумался? – поддев брата за локоть, с улыбкой спросил Жюль, указывая на метрдотеля, любезно приглашающего их пройти в лаундж-бар для встречи.

– Я... Я вспомнил об отвратительных кривых кистях моей будущей невестки, – язвительно ответил старший. – Мои племянники... Мои бедные племянники! Им придется носить ручные брекеты, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, – издевался Анри, за что незамедлительно получил легкий толчок в бок от младшего брата. – Эй, за что? Ты же сказал, что это фиктивные отношения.

– Не будь они фиктивными, я бы сделал вот так, – больно щипая Анри за шею, ответил Жюль, расплываясь в довольной улыбке.

Забронированный на их имя столик был в открытой части бара отеля, выходившего прямо на побережье. Ветер сегодня отсутствовал, а небо было чистым настолько, что открывало обзор на десятки тысяч звезд, с интересом глядевших на них свысока.

– Надеюсь, полёт не был для вас лишком утомительным? – поинтересовалась направляющаяся к ним статная дама с миндалевидными карими глазами невероятной глубины. Длинное шифоновое платье нежно-оливкового цвета выгодно подчёркивало достоинства пышной фигуры, а перевязывающий волосы бледно-персиковый платок отлично гармонировал с подобранными на тон светлее сандалиями. На вид ей было около пятидесяти пяти.

– Приятно наконец-то с вами познакомиться, мадам Ба, – протягивая руку для приветствия, начал Жюль.

Анри был более старомоден, позволив себе поцеловать руку дамы, что, к его счастью, ничуть её не смутило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.